

Две дороги к одной вершине

или несколько слов о гуманитарной составляющей

Николай Тюрин*

Аннотация

На протяжении достаточно уже долгого времени делались попытки провести круглый стол, семинар или хотя бы обсуждение научно - публицистического наследия Игоря Ростиславовича (далее в тексте ИР). Но кроме нескольких ограниченных случаев ничего не выходило. А вопрос и тема мне видятся важными. Где и обсудить это как не под отчим кровом школы Шафаревича, в Математическом институте им. Стеклова, и когда если не во время празднования его столетия.

Поэтому я решил вынести на общее рассмотрение несколько замечаний и наблюдений, касающихся гуманитарной составляющей творчества ИР.

Известны многие математики, выдающиеся и не очень, для которых гуманитарная составляющая в творчестве присутствовала, и играла важную роль, тут перечислять — места не хватит. Гораздо менее известно случаев, когда математик оказывался в равной степени удачлив и в гуманитарных исследованиях, к которым необходимо отнести даже такие казалось бы производные дисциплины, как историю и философию самой математики; и даже изложение собственных математических мыслей на письме или в устной речи некоторым выдающимся математикам давалось с большим трудом. И конечно нам, исследующим вопрос об уровне и значении некоторых нематематических работ выдающегося математика, каким несомненно является ИР, необходимо экспертное мнение, взгляд со стороны: во - первых, потому что сами мы находимся под обаянием личности ИР и можем оказаться слишком пристрастными; а с другой стороны и самооценка уровня гуманитарной составляющей не может автоматически браться в расчет, поскольку редко тут обнаруживается объективность, как и всегда при самооценке, — зачастую у автора возникает некая абберация, приводящая к преуменьшению результатов "поденной" работы, доставляющей физическую возможность реализовать и прочие таланты. Можно (и должно) с большим уважением относиться к стихам и переводам одного из самых выдающихся учеников ИР, иногда в беседах узкого круга признававшегося в том, что он сам считает себя в не меньшей степени поэтом, чем математиком; однако нам,

* Доклад сделан на международной конференции, посвященной 100 летию И.Р. Шафаревича в МИ РАН им. Стеклова

понимающим уровень его математических работ, с этим трудно соглашаться. Другой ближайший ученик ИР, недавно ушедший Алексей Николаевич Паршин, широко известный своими философскими работами, организацией и ведением общемосковского философского семинара, был более объективен, признавая приоритет математики перед философией в своем творчестве. Отдавая дань научно - методическим работам ИР, — а А.Н. Паршин перед самой смертью проделал огромную редакторскую работу над сборником трудов ИР, посвященных математике и математикам, — ближайший ученик в посмертном томе философских трудов отметил в короткой статье о сборнике "**Из под глыб**" и работах ИР, опубликованных там, что они достаточно далеки от интересующей его в первую очередь области религиозной философии. Но этим он как бы подсказывает нам исходную точку, с которой естественно начать наши исследования. Следуя этой подсказке, обратимся к тому, каким образом этот сборник возник и каким образом ИР стал одним из авторов этого сборника.

Можно ли считать сотрудничество ИР в сборнике "**Из под глыб**" некоторым начальным опытом обращения к гуманитарной составляющей? Здесь необходимо кратко вспомнить историю создания сборника, задуманного Александром Исаевичем Солженицыным (далее в тексте АИ) в продолжение "Веховой" традиции обсуждения главных вопросов духовной жизни России и русского народа. Участие ИР в этом сборнике удостоверяет в том, что задумщик всего дела угадал в ИР и глубокую мысль, и высокий стиль. А что сам задумщик? — а тоже ведь по образованию математик, да еще артиллерийский офицер, и с представлением об уровнях наук ("лапоть влево, лапоть вправо"). Почему угадал? — ведь ИР до того времени не был известен как автор Там- или Самиздата, да и "диссидентство" его началось относительно недавно, вхождением в комитет по правам человека. Сам ИР вспоминал впоследствии, что просто подошел к А.Д. Сахарову на одном из академических мероприятий, познакомился и высказал свой интерес к тому, чтобы каким - то образом приложить свои силы в деле защиты прав своих сограждан. Видимо А.Д. Сахарову такой человек был очень нужен — весь комитет в то время состоял из самого Сахарова и еще двух молодых людей, а ИР был уже широко известен в мировых математических кругах, и его слово могло привлечь интерес иностранной аудитории. Однако тема, которую выбрал начинающий защитник прав человека, оказалась неожиданной и для Сахарова, и для всего комитета: ИР решил готовить доклад о нарушении прав верующих в СССР (и прежде всего - православных). Сахаров был далек от этого вопроса, но для самого ИР такой выбор видится нам неожиданным, — совершенно иначе он был воспитан и в семье, и в среде академической, к которой принадлежал с самого юного возраста.

Но вернемся на шаг назад, постараемся не упустить и того, что произошло почти в это же самое время, но как бы в другом измерении. Каждый математик из школы ИР знаком с текстом, составленным учителем в качестве лекции перед Геттингенской академией в связи с присуждением Хейнemannовской премии в 73 году (незадолго до этого после подписания письма в защиту Есенина - Вольпина возможность выезжать заграницу закрылась, поэтому текст был зачитан от лица ИР). Сама постановка главного вопроса — как объяснить, что такое математика, всем ученым членам академии, в первую очередь гуманитариям, — предполагала гуманитарную основу, на которую переходит автор для того, чтобы объяснение было естественно, со-

язычно и понятно аудитории. Для этого ИР сам оставляет твердую почву самой научной из всех наук и выступает как отдаленный наблюдатель развития математики и жизни математика. Главный прием этого стороннего наблюдателя — увидеть закон развития математики через ее отражения в истории, но история при этом неожиданно оказывается в руках человека, привыкшего к математическому мышлению. Под математическим мышлением мы понимаем следующий, привычный для нас, порядок работы: во - первых, установление ключевых фактов ("эксперимент") и, во - вторых, дедуктивные рассуждения, приводящие к выявлению некоторых закономерностей ("теория"). Чтобы определить главную цель развития математики (а значит и работы математика), ИР выдвигает две рабочие гипотезы о том, в чем эта главная цель состоит. Первая гипотеза имеет слегка технический характер: главная цель математики в реализации как можно большего числа приложений. Однако исследуя математическую традицию, установленную еще в античные времена, ИР отвергает первую гипотезу: от самого своего начала математика не в приложениях себя видела, а именно в создании и развитии дедуктивного метода, прыжка от эксперимента к построению теории, максимальному обобщению, и потому настолько естественно переплеталась с религиозной мыслью того времени, что трудно было отделить одно от другого. Поэтому лектор отвергает первую гипотезу; вторую же гипотезу обращает в утверждение, которым заканчивается лекция и которую необходимо привести полностью:

"Кончая, я хочу выразить надежду, что по той же причине она (т.е. математика) может послужить моделью для решения основной проблемы нашей эпохи:

ОБРЕСТИ ВЫСШУЮ РЕЛИГИОЗНУЮ ЦЕЛЬ И СМЫСЛ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА"

(выделение шрифтом авторское).

Это написано не романтически настроенным юношей, очарованным первыми впечатлениями от встречи с чистой гармонией; слова эти сказаны человеком опытным, повидавшим многое, послужившим к тому времени уже более тридцати лет на самом переднем крае математических исследований. И несмотря на опыт, в котором и горечи хватало, взгляд этого человека все еще устремлен в небо: математика представляется ИР моделью развития духовной культуры человека, восхождения к духовным высотам, под которыми он понимает некоторую высшую религиозную цель.

Обдумывая это утверждение, приходишь прежде всего к мысли о том, что если математика есть модель обретения высшей религиозной цели, то и для такой модели полагается необходимым движение, поскольку без движения никакой цели не достигнуть, и это движение не в глубину или ширину, раз речь идет о высшем. Жизнь и работа математика уподобляется жизни и духовной внутренней работе монаха - отшельника, именно об этом ИР говорит в хайнемановской лекции, напоминая религиозные аспекты жизни пифагорейской школы, которую естественно было бы определить как закрытую религиозную секту с очень строгим уставом. Но это в античности, а из современности — ИР очень любил приводить в пример случай с известным математиком Лаппо - Данилевским. После революции он вынужден был подрабатывать у правдомом, но при этом раздумывал над математическими задачами. Одна задача так его увлекла, что он постоянно размышлял над ней. И вот однажды во сне решение пришло, но достаточно курьезным

образом: к нему в контору явилась очередная просительница с заявлением, которое выглядело примерно так: "Прошу разрешить мне проинтегрировать такую-то функцию таким - то способом...". Проснувшись, Лаппо - Данилевский обнаруживает, что и в самом деле это приводит к решению так долго мучившей его задачи. Видимо, рассказывая эту историю, ИР подразумевал, что жизнь и работа математика неразделимы: математик не может жить, не раздумывая над увлекшей его задачей, а решив одну — не может не искасть следующей; и решение приходит к тому, кто целиком посвящает себя задаче, без остатка, всю жизнь свою обращая к одной цели. Это показывает, что для жизни математика вместе с "хлебом насущным" необходим еще и иной хлеб — не менее насущный. Но ведь отсюда видно, что работа математика духовная, возвышающая и саму жизнь. Получается что и в самом деле математик похож на монаха - исихаста, который учится умному деланию непрестанным повторением молитвы так, что в какой -то момент молитва сама начинает жить, звучать и повторяться в нем, как будто без усилия воли его.

Православная антропология учит что человек по природе своей троичен, он состоит из трех частей: дух, душа, тело. К чему из трех составляющих относится ум? Для ИР ответ очевиден: как наука есть часть культуры (для ИР — духовной культуры), так и ум должен быть частью духа.

Но чем же тогда различаются математическая и гуманитарная составляющие: в жизни и работе ИР они представляются в образе двух дорог, — одной явной, математической, другой до поры тайной, — которым следовал он, не оставляя движения ни по одной из них, но при этом двигаясь к единой цели. И обе эти дороги были восхождением: одна — восхождением к вершинам математики, которую ИР никогда не оставлял, занимаясь и сам, и с учениками, и с учениками учеников; вторая — восхождение к какой-то вершине, при начале возможно и неведомой для него самого. А почему восхождение? — когда -то его учитель Борис Николаевич Делоне, сам страстный альпинист, пристрастил ИР к походам в высокие горы, а потом и сам ИР привил любовь к походам в высокие горы некоторым из своих учеников. Там, в горах, необходимо прививается понимание естественного течения жизни: восхождение — преодоление — вершина, как и математикой надо заниматься, как и во всей жизни надо двигаться от одной вершины к следующей, преодолевая трудности и совершая свое восхождение.

Вернемся к истории создания сборника "Из под глыб". В последующем интервью ИР сообщал: идея сборника принадлежала АИ, работа длилась около трех лет, задержка до осени произошла из - за ареста и высылки АИ. Так случилось, что ИР стал свидетелем ареста: в тот день он пришел к АИ на Козицкий с текстами, которые он готовил для сборника. После того, как восемь прокурорских ворвались и увезли АИ, оставался в квартире для охраны от возможного обыска, а затем много помогал семье в сборах. После выхода сборника (хотя как определить этот выход: в самиздат?) были организованы две пресс - конференции: одна АИ в Цюрихе, вторая ИР — дома. ИР так определял главный посыл своей работы: "... понимание жизни, складывавшееся в течение тысячелетие — утеряно, а заместить его не смогла никакая другая система взглядов... Думающая молодежь относится к марксизму со смесью скуки и иронии."

Необходимо приходит мысль: два главных автора "Из под глыб" в свои молодые годы много увлекались марксизмом, а затем трудно его пре-

одолевали, очень трудно и очень разными путями. Один путь начинался в академической среде Москвы, коренным обитателем которой был математический вундеркинд, другой выстался **"Дороженькой"**, от сельской школы через фронт, тюрьму, лагерь, ссылку, раковый корпус, потом снова через сельскую школу. В то время, когда осенью 41 года АИ гонял в обмундировании третьего срока в диком стаде обозников, ИР с другом Светиком прогуливались подмосковными лесами (и были задержаны, но отпущены не без удивления: всего 18 лет парню, а уже аспирант второго года). И как же вдруг эти пути сошлись, приблизились?

Удивительно, но как будто из одного источника вылилась тема еще не знакомых в то время людей, два далеких пути неожиданно сошлись в двух текстах, предваривших личную встречу, и оба текста посвящены были положению Православной церкви в СССР. Оба текста удивили единомышленников и друзей: АИ вспоминает, что и **"Письмо вождям"** вызывало удивление ближайших соработников, а уж обращение к церковной теме было встречено некоторыми с явным неприятием. В **"Письме вождям"** прозвучала непривычная (может даже неприличная) для культурного человека тема в словах: *"Вести такую страну нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами 1100 лет..."* И что было источником духовного развития народа эти 1100 лет? *"Отказаться от Православия это значит отказаться от источника, который питал народ в течение этого тысячелетия"*, — это уже цитата из ИР, сказано в одном из интервью 74 года.

Почему же АИ выбрал тему церковную? Можно сказать, что главная идея **"Архипелага"** есть возвращение человека к Богу (*"...камни хрустят под ногами... мы поднимаемся"*). Но вера в Бога для бывшего марксиста могла бы быть (как и часто бывало) абстрактной, безадресной, безимянной. Почему именно Православие? — а не вытекает ли это из той национальной линии, которую должен вести правитель этой обширной страны, а уж тем более — русский писатель? А ведя эту линию, как обойти Православие? как обойтись без него?

А каким образом к этой же теме пришел ИР, рафинированный интеллигент, сравнительно благополучно переживший тяжелейшее время войны и послевоенные голодные годы, не изведавший страданий и бед, — каким образом он обернулся на тот же зов, к той же мысли, явно просвечивающей через весь его **"Доклад комитету по правам человека о положении религии в СССР"**? Влияние семьи? — но отец его, Ростислав Степанович, будучи ярым противником социализма, потерял веру в Бога еще в молодости, как многие из предреволюционного поколения, именно из-за тех ужасов революции, гражданской войны, красного террора, свидетелем которых ему пришлось быть. Можно ли вывести из этого, что к Богу приводят не только личные страдания, но и сострадание, при внимательном и вдумчивом взгляде на окружающую жизнь? При том условии, что работа мысли и духа сосредотачивается в едином малом пространстве, оставляемом внутреннему человеку в условиях жестокого давления со стороны социалистической идеологии, под прессом единственного верного учения. Сам ИР так определяет особенности нашей духовной жизни того времени: *"... требует преодоления больших трудностей... гораздо больших, чем на Западе... Но этим создается и гораздо более глубокое отношение к жизни..."*

Итак, два пути сошлись. Сошлись, но не слились тождественно, след в след. Общая тема, главный общий интерес: *"Большинство статей сборника посвящено духовной жизни"*. Кого? — русского народа. АИ задумывал сборник как некоторое продолжение дискуссии, начатой еще до революции сборником *"Вехи"*, главной темой которого было обсуждение роли интеллигенции в надвигавшейся революции и предупреждение о том, что в будущем несет в себе эта революция русскому народу, в том числе и той самой интеллигенции. Национальный вопрос в *"Вехах"* отсутствовал, как и в реалиях дореволюционной жизни. В *"тюрьме народов"* эти самые народы жили в настолько больших и светлых камерах, что зачастую не ощущали стен; как подчеркивает АИ, с февральским распадом среди народов Российской империи не звучали голоса о полном отделении, — например, украинская рада в своих универсалах продвигала идею о культурной автономии, не более (и даже единственный народ, связанный официальной чертой оседлости, постфактум устами немногих непредвзятых оценил те условия, в которых возрос и численно, и в образовании, и среди деловых людей России, и среди чинов империи). А вот теперь, к 70 -ым годам, полстолетием позже, когда, как утвердила советская идеология, национальный вопрос давно разрешен тем, что все народы сплавились и переродились в единую новую общность, еще не виданную в истории, — советский народ, авторы сборника *"Из под глыб"* с тревогой обращаются именно к национальной теме. Уже после высылки в одном из интервью, данных в Стокгольме, АИ предупреждает: *"Если объявить демократию внезапно, то у нас начнется истребительная национальная война, которая сметет эту демократию"*. Это утверждение оказалось истинным даже в более сильной форме, когда и демократию еще не ввели, а только слегка ослабили тиски, что мы в достаточноной мере наблюдали при распаде СССР в конце 80-ых начале 90-ых.

Итак, национальный вопрос: АИ выступает со статьей ***"Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни"***; ИР развивает тему, исследуя разнонаправленные силы в ***"Обослование или сближение?"*** Вроде бы вопросы посвящены национальной жизни вообще, но обращены прежде всего к народу русскому, о настоящем и будущем которого более всего переживают авторы. Отправной точкой второй статьи стала проявившаяся открыто прежде всего в самиздате (при том, что как указывает ИР, *"...существуют некоторые вопросы, деликатно обходимые несмотря на относительную свободу подпольной печати"*) претензия некоторых национальных групп на притеснения и неравноправие, существующее по их мнению в лагере, каковым представлялся на страницах самиздата СССР. И главным виновником притеснений оказывался именно и конкретно народ русский. Даже несмотря на то, что на протяжении всей советской истории власти всегда и во всем основную тяжесть сваливали на русские племена, несмотря на то, что уровень жизни в национальных областях был выше, чем в центральной России (сегодня все это документально подтверждено, а в то время коммунистическими властями скрывалось), именно русские воспринимались национальной интеллигенцией как виновники преступлений коммунизма. Потом, в конце 80-ых, это уже открыто исповедывалось, русских провозглашали оккупантами и предлагали им коротко: *"чемодан, вокзал, Россия"*. ИР еще до пришествия этого нового мира предупреждал, что в отношениях между народами необходим открытый и честный диалог, в котором надо иметь силу отсечь мнимые вины и обиды и прислушаться к

ответам с другой стороны. Именно честный диалог приведет в результате к явному ответу: могут эти народы сосуществовать дальше, или необходимо размежевание, но размежевание честное, а не так, как когда вдруг внутренние административные границы, с умыслом нарезанные Лениным, Сталиным, Хрущевым, стали незыблемыми государственными границами, зорко охраняемыми любителями и знатоками хельсинских соглашений. Предупреждение, высказанной в этой статье ИР, как будто кануло в воду, и в результате русский народ, как после революции, оказался разделен, разрублен на куски новыми границами. Уже в эту новую эпоху ИР наблюдает за этим новым витком продолжающейся трагедии: поездки в Чечню, из которой в начале 90-ых русские изгонялись; в Приднестровье, которое сражалось и пока что устояло (да и с риском для жизни — пошел по плотине под пули молдавских полицейских). При молчании центральной прессы, под радостное улюлюканье прессы западной, своими ногами приходилось пробираться по полю. Поле битвы — судьба русского народа.

И на том же поле — АИ, он тоже шагает где-то рядом, но пути следования их не сливаются — скорее, двигаясь к единой цели, создают многомерность обсуждения. Как будто единая траектория проецируется на два подпространства, раскладывается на две составляющие. Как будто два наблюдателя следят за одной путеводной звездой, каждый по-своему пролагая путь.

Но наблюдатели разные, по судьбе, по стилю, по написанию. И как охарактеризовать эту разность, хотя бы вчерне, в первом приближении? Наверное, так: академик и полемист. Стиль изложения академика: тихий ровный голос, построение логических цепочек, анализ, надстройка над фактами, попытки дедуктивным методом разбирать ситуацию. Для полемиста такой стиль невозможен: когда пепел Клааса стучит в сердце, когда в голосе гремит страсть, а время еще не ушло... Но эта же страсть звучит в голосе ИР, когда речь заходит о том, есть ли у России будущее. Так называлась другая статья ИР из сборника.

...Это было, кажется, в дни 80-летия ИР, когда был представлен последний его публичный доклад в Стекловке, в конференц-зале на 9ом этаже, с перерывом в четверть часа в середине, поскольку трудно уже было долго стоять у доски. Потом был дружеский банкет, как и обычно, в 540 комнатах (где теперь над семинарской доской портрет ИР), на котором звучали здравицы в честь юбиляра, бодрые слова о великом научном вкладе ИР в мировую математику. На все славословия ИР кратко ответил, что вся его математическая жизнь и все результаты имеют смысл только в том случае, если найдутся молодые люди, которые продолжат их дальше, поднимутся еще выше...

Такой же ответ дает ИР и на вопрос о будущем России: это будущее может проистекать только из жертвенности новых молодых поколений. Будут ли будущие поколения способны на жертвы, хотя бы немного напоминающими те, которые были принесены поколениями предыдущими. Хотя бы на малую жертву... Можно ли бесстрастно говорить о жертвах, можно ли звать к бесстрашию бесстрастным академическим тоном?

Но академик нужен, очень нужен для настоящей научной работы. Для ИР, сторонника формулы Тойнби "*challenge and replay*" и настоящего ученого, вызов был в самом учении Маркса. Учение это было вознесено до уровня науки, строгой науки, самой главной науки, объясняющей в истории все

прошедшее и предсказывающей все грядущее. Марксизм был весьма привлекателен, в свое время этой болезнью переболели и будущий священник и богослов о.Сергий Булгаков (в гимназические годы переводивший **"Капитал"**), и один из создателей российской социал - демократии Петр Струве, впоследствии перешедший в стан активнейших врагов Советской власти; и в 70ых, и после, и до сегодняшнего дня многие продолжали и продолжают исповедывать марксизм, объясняя неудачность российского эксперимента тем, что вот, мол, народишко не тот, да и Ленин со Сталиным все извратили, а на самом деле идея была чистая и светлая.

Академизм ИР — совсем не в звании, и даже не в методе и стиле. ИР выученик академии Платона, выученик и соработник Платона и Аристотеля, знаток античной литературы, прочитанной им в подлиннике, в общем — полноправный гражданин античного мира. И с этого античного мира он и начинает, показывая, что первым теоретиком социализма должен быть назван Платон, начертавший в **"Государстве"** всю конструкцию и основные пункты устройства социалистического общества. Ничего принципиально нового в теории социализма обнаружить невозможно на протяжении всей долгой истории. Тут пригодились и наблюдения близкого друга ИР математика и философа Андрея Ивановича Лапина, посвятившего этой же теме долгие размышления. Социалистические мотивы находят свою основу в различных ересях и сектах, возникавших в Западном Христианстве в Средние века. Казалось бы, тут кроется некоторое противоречие, поскольку после Маркса мы точно знаем, что социализм враждебен всякой религии, несовместим с ней. Как же могут быть носителями социализма секты религиозные? Вероятный ответ мы находим у историков, изучавших возникновение капитализма — и опять в объяснениях ИР, в другой работе, о которой речь пойдет ниже. И Вебер, и Зомбарт связывали возникновение высокого капитализма, то есть делания денег только ради самих денег, с учением Кальвина. ИР при этом объясняет, что лютеранство еще недостаточно отдалилось от Христа, а кальвинизм есть уже религия без Христа, где главным почитается Ветхий Завет. Из этого вытекает предположение, что и социализм был выращен в сектах, для которых и путь, и истина, и живот — все было своим собственным порождением, замещалось человеческой породой. В семинарской аудитории Сретенского монастыря через много лет после выхода **"Социализма"**, ИР счел более понятным для слушателей предположение, что внутренний настрой активных деятелей социализма был как будто продиктован неким договором с силой, противостоящей свету.

Отдельные конструкции, начальные вводные данные работы **"Социализм как явление мировой истории"** уже присутствуют и в статьях ИР для сборника **"Из под глыб"**, и в последующих статьях и интервью. Само название этой работы обращает внимание на общие рамки рассмотрений данного явления — мировую историю, не ниже.

Ну что же, если приходится забираться на такую высоту — то нужен и проводник соответствующий. Выберем в качестве такого проводника выдающегося историка, но и достаточно начитанного в родимой нашей математике, академика Василия Васильевича Болотова (в своих лекциях он часто прибегал к объяснению богословских тонкостей через отражение в той самой модели, математике: то помянет проективную геометрию, где любые две прямые пересекаются, то приведет в пример неравноМощные бесконечности). Сам Болотов прожил короткую по сегодняшним меркам жизнь, не

дожив и до пятидесяти, так что 4-ех томное издание лекций по истории древней церкви готовили уже его ученики и младшие коллеги (что видно по явным опечаткам в местах, касающихся той же математической части). Во введении, на первых страницах 1 го тома, Болотов говорит о том, что является собой история. Вот три цитаты: *"История — наука лишь *hōnotis causa*"*; *"История — наука не дедуктивная"*; *"История, если она достигла в своем развитии стадии истинно научной, должна допускать математическую обработку"*.

Что есть изначально для античного мира история? Само слово происходит от греческого *ἱστωρ* — очевидец, тот кто видел некоторое событие своими глазами. Античная история — чисто описательная наука, как бы для развлечения — собрание свидетельств о различных событиях. О современной ему истории Болотов говорит как о роде искусства: историк как архитектор возводит арки над колоннами, роль которых играют установленные факты, и чем прочнее устои — тем прочнее все здание. Как же превратить историю в настоящую науку? Нельзя оспаривать того, что существуют законы исторического развития. Но законы делятся по своей цене: истина, что всякий человек умрет, не стоит ни гроша, а вот знание о том, когда именно умрет конкретный человек, бесценно. С другой стороны, естественно отыскивать законы не на уровне отдельного человека, а на уровне более высоком — народа, нации. Но что такое смерть народа? Смерть языка? — вопрос до сих пор не решен, пишет Болотов. И вопрос в самом деле очень труден: мы привыкли рассуждать и оперировать на уровне отдельного человека, каковыми являются сами, но как представить целый народ в виде отдельного человека? Есть ли душа у народа? Есть ли дух? Даже самый простой вопрос — что есть тело народа, и тот требует достаточно смелого анализа. Вот и АИ в **"Раскаянии и самоограничении"** смело прилагает эти понятия, отвеку строго индивидуальные, к целому народу. И выводы не совсем прямые, но как бы от противного: раскаяние народа без высокой цели приводит только к опошлению, констатации "проклятого прошлого" (но именно к такому виду покаяния призывают нас трубные гласы уже скоро полвека, за все русские грехи мы должны — платить и каяться, каяться и платить).

Но тот же Болотов цитирует академика Бестужева - Рюмина, начинавшего свою русскую историю в 1872 году следующими словами: *"История есть повествование о достопамятных событиях, учили нас в гимназии. История есть народное самосознание, учили нас в университете. Между этими двумя определениями лежит целая бездна."* Так бездну пересчитывать — и дело математики, так может быть как раз математика и нужна, чтобы покрыть эту бездну цепочкой разумных шагов?

Какой видит Болотов дедуктивную надстройку для истории? В качестве примера предлагается известный арифметический факт: каждое рациональное число представляется или конечной, или периодической дробью в десятичной записи, и задача историка — найти соответствующий период — практически невыполнима. Это сравнение необходимо дополнить: конечно же, история иррациональна, поэтому выбор подходящего рационального числа — уже приближение и модель; и когда Болотов говорит о том, что историк может уже при повторении пары цифр пытаться делать выводы (потому что большего ему может и не быть дано), с точки зрения математика это утверждение кажется достаточно наивным. Но и в математике

бывают случаи, когда приходится жертвовать полной объективностью в пользу достижимого приближения (а уж вся современная физика на этом стоит крепко).

Итак, история как наука требует следующие два типа исследователей:

$$\iota\sigma\tau\omega\rho \quad | \quad \theta\varepsilon\omega\rho(oi)$$

(мы связываем левое слово с "историей", а правое с "теорией", хотя оно само по себе имеет немного другой смысл, но мы воспользуемся своим толкованием, оговаривая это здесь).

Нарисовав эту схему, распределим обсуждаемых нами исследователей в связи с огромной и важной темой — социалистической революции в России.

Уж казалось бы — что АИ не знает о социализме? Но сам он поглощен работой над **"Красным Колесом"** — самым полным на сегодняшний день сведением фактов и свидетельств об этом историческом периоде (заметим, что время тут берет иной темп: сравните марксово *"круг истории роет медленно"* и *"бьют часы истории"*, где каждая минута важна, поскольку или взрывается водопадом событий, или наоборот — выделяет точку упущенной возможности). По минутам раскрывается картина крушения российской жизни глазами очевидца (отметим особо и юридический принцип, положенный в основу выбора кирпичиков в выстраиваемых "колоннах": каждое событие обеспечено показаниями не менее двух независимых свидетелей).

ИР в то же время задается вопросом — а что такое вообще этот социализм? Вращеный на западной почве, перенесенный в Россию как чуждое явление. Пророческие слова Достоевского о том, что социализм будет стоить России сто миллионов голов — сбылись, все до копеечки, а точно и не посчитать уже, кто там точный счет вел расстрелянным, замученным, пухнувшим от голода... АИ с самого начала горячо поддерживает эту работу, и потом, уже написанную, поддерживает к публикациям, да на нескольких языках (и притекают потом, по свидетельству ИР, отклики и замечания, на разных языках, из разных стран). По свидетельству близких, общий ответ этой работы завораживает АИ. Не зря ИР в свое время увлекался Конрадом Лоренцем: в духе исследований животного мира последнего вводя направне с инстинктом самосохранения, присущим всякому живому существу, — инстинкт самоуничтожения, стремление к смерти. Главная цель социализма — уровнять всех людей, сделать их винтиками в единой машине, а выбивающихся из строя или лечить как психических больных (ИР замечает кстати, что идея принудительного психиатрического лечения инакомыслящих, практикуемая в СССР в те времена, на самом деле исходит из недр социалистического учения, ссылаясь на точные цитаты из Вейтлинга, марксова учителя), а кого невозможно вылечить — отправлять на специальные острова (читай — в концлагерь). Но приведение к полной тождественности уничтожает индивидуальность человека, а без индивидуальности человек уже не живой.

А народ? ИР и АИ сходятся в том, что духовная смерть народа всегда предшествует физической, и не только предшествует, но и необходимо влечет. И социализм здесь может трактоваться как заболевание, поражающее народный организм (или достаточную часть его, ибо странно было бы предполагать повальное увлечение этой теорией в такой по абсолют-

ному большинству крестьянской стране, которой была дореволюционная Россия). В духовно здоровой стране как в здоровом организме такая болезнь не зацепится, не найдет места где утнездиться, не встретит уголка с благодатной средой, или же такая среда окажется не достаточно весомой, микроскопической в общем теле. То есть противостоять возможно только единством. Марксизм же как раз и вонзился в народный организм разрезом, расколом на непримиримые группы; главная цель марксизма, не скрывающаяся ни Марксом, ни Лениным, — разжечь пламя гражданской войны (и при этом Маркс предсказывал и с восторгом ожидал для такой войны не года и не двух таких боев, а 30 или 40 лет, призывая к тому готовиться рабочий класс). Но главным камнем преткновения на пути социализма было крестьянство, и тот же камень лег поперек дороги самой марксистской теории. Что такое крестьянство — класс? вроде бы нет, какие еще бывают классы кроме буржуазии и пролетариата. Так отнести его к пролетариату? — невозможно, мелкобуржуазная среда (и пошли за большевиками в Гражданскую, потому что те землю обещали, в собственность, наступив на горло собственной песне и похитив у эсеров их давнюю программу). Зажечь гражданскую войну в деревне? — было сделано, только в результате к семидесятым годам уже приходилось закупать хлеб заграницей. ИР прибегает к историческому примеру: кто в античной Греции был зрителем комедий Аристофана и трагедий Эсхила? — те самые сельские труженики, собиравшиеся вечером праздничного дня в Афины на представление. Ему видится, что крестьянство это вообще не класс, а отдельная формация, существовавшая на протяжение всей истории и при любых общественных устройствах. Крестьянин одновременно и трудник, и хозяин, что с точки зрения Маркса перемешивает все карты. Даже будучи крепостным, до тех пор, пока занесенные западным ветром правители России не опустились уже до продажи крестьян отдельно от земли, крестьянин был хозяином своего надела, труд его был творческим и — свободным. Ведь это и есть тот самый свободный труд Ивана Денисовича, до которого трудно было дойти пониманием многим свободомыслам оттепели. И поэтому ИР утверждает, что самый страшный (но по логике марксизма — необходимый) грех социализма — в уничтожении крестьянства, в том великом переломе, которым переломлен был крестьянский хребет России.

... Наверное, вот тут, упомянув Аристофана и Эсхила, уместно задаться вопросом: почему же гражданин античного мира ИР так любил русский народ, русскую цивилизацию? Не естественнее было бы ему быть космополитом в самом высоком смысле этого слова? Ведь кажется его античная родина осталась лишь собранием мифов, прекрасным и, наверное, самым гармоничным в истории человечества, — но мифов? Как сочеталась любовь и преданность античности в ИР с тем, что одновременно главной его болью была судьба именно русского народа? Предложим свои соображения, выстраивающиеся в следующую цепочку рассуждений. Античный мир не погиб с Благою Вестью, Бого воплощением и Воскресением Христа! Не погиб, но переродился. Античная философия не известна оказалась церкви западной, но на Христианском Востоке была в большой чести. Без античной учености, без философии Платона и Аристотеля невозможны были труды Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, — ведь все они прошли античную языческую школу с огромным приложением в молодые годы, в те годы, когда, как сами они вспоминали потом,

два пути им были известны — в афинскую школу и в храм Божий. Они не только воспользовались вершинами античной философии, но преобразили ее, как Христос Преобразил человеческую ветхозаветную плоть. При этом когда Христианский Восток в первые десять веков бурлил как кипящий котел, вырабатывая догматические основы Христианства (при этом, как отмечает Болотов, великий раскол на Восточную и Западную церкви выглядит не таким уж трагичным: в пятом веке Севир Антиохийский уводит в раскол ТРИ ЧЕТВЕРТИ Христианского мира!), сначала христологические, затем триадологические, затем снова христологические и тд, — Христианский Запад играл роль массивного якоря, принимая и сохранив окончательно удостоверенное. За все эти десять веков Болотов находит единственного богослова на Христианском Западе — диакона Великой Карфагенской Церкви Фульгентия Ферранда.

Сегодняшняя западная традиция — говорить о Византии и византизме, не просто исказяя все и вся, но попросту вычеркивая десять веков ее существования, как будто почти ничего и не было. Из близкого нам пример: в современном учебнике по истории математики вам сообщают, что религиозный фанатик Юстиниан Великий законодательно запрещал математику, — забыв добавить, что математикой в то время числилось и гадание на числах, и составление астрологических прогнозов, о чем собственно и говорилось в том самом указе. Если бы геометрия, в частности труды Архимеда, не были бы не только не под запретом — но сверхпопулярны в Византии, то как возможно было бы возвести купол Святой Софии, начав именно при том же Юстиниане Великом!

Ну а если принять высказанный нами выше тезис, то остался малый мостик к ответу на поставленный вопрос: мостик от Византии к ее наследнице — Православной Руси. ИР много раз уверенно высказывает, что именно Христианство восточного обряда, воспринятое нами от Византии, сформировало русскую цивилизацию, русский характер. ИР отмечает, что Восточное Православие избежало конфессиональных перерождений, приведших к возникновению в западном мире двух главных течений — капитализма (или, по Зомбарту, "высокого капитализма") и социализма как его антиподы.

Да, именно эта мысль была высказана и раньше, еще в сборнике **"Из под глыб"**, в работе **"Две дороги к одному обрыву"**. Теперь, при чтении **"Социализма"**, основная мысль этой более ранней работы становится кристально ясной: природное средство капитализма и социализма корениится в единстве цели — уничтожение крестьянства и затем покорение всей живой природы. Но обе эти дороги, исторически чуждые русской цивилизации, ведут к одному обрыву, к гибели той цивилизации, которая последует одним из этих путей. Тут интересной кажется перекличка с основной теорией А.Д. Сахарова, о конвергенции, которая ровно об этом и говорила — два этих пути в будущем сойдутся, вот только не указывала, в какой точке.

Но почему же ИР видит конец пути высокого капитализма столь же трагичным? Ссылаясь на работы Бебера, Зомбарта и других, ИР прежде всего выделяет мысль о том, что крестьянство как и сама природа являются врагами высокого капитализма (и в новом свете представляет лозунг Френсиса Бэкона: *"Победить природу!"* — не фигура речи, а именно стремление подмять ее под себя). ИР приводит цитату из фантастического романа о будущем, написанного в годы первых пятилеток одним из творцов их заданий, знатоком крестьянской жизни и выдающимся экономистом Алексан-

дром Васильевичем Чаяновым. В далеком 80-ом году герой, прибывший каким-то фантастическим образом из годов двадцатых, слышит следующее объяснение того, как разрешена была крестьянская проблема в течение тех самых первых пятилеток: *"Капитализм это не более чем болезненный припадок, поразивший обрабатывающую промышленность в силу особенностей ее природы. Социализм в деревне — первый неверный шаг, антитеза капитализма, но выросший из той же идеологии наемничества, от которого в развитии вернулись к кооперативам."* (а про кооперацию — и в **"Красном Колесе"**, сцена в Каменке, в доме Плужникова.)

Чаянов, принимавший активнейшее участие в планировании первой пятилетки, твердо считал (и подсчитал! экономически обосновал), что индустриализация возможна без разгрома деревни, который сопутствовал колективизации. Однако коллективизация нужна была именно для разгрома крестьянского мира: ИР ссылается на воспоминания Черчилля, в которых Сталин сообщает в ответ на вопрос о том, как смог пережить громадное напряжение времен Сталинградской битвы, что напряжение, пережитое во время проведения коллективизации, было несравненно более тяжелым: *"Коллективизация была чудовищна, более страшная чем война с Гитлером!"*, и сам определил порядок числа жертв — около 10 миллионов (вот, кстати, и ответ критикам АИ, оценившего в **"Архипелаге"** цену коллективизации для русского народа — миллионов в 15 крестьянских голов).

Капитализм и социализм сродни друг другу тем, что держатся на наемничестве, как заметил Чаянов, а мы знаем разницу между наемничеством и сыновством. Наемник, видя волка, бежит, бросив своих овец... А верный сын погибает от рук расхитителей Отцовского наследства.

Но если оба пути ведут к одному обрыву, то Россия должна выбирать свой собственный, третий путь. Отвечая на вопрос корреспондента в связи с выходом **"Из под глыб"**, ИР так составляет иерархию главнейших на тот день вопросов русской национальной жизни: 1) деревня; 2) религия; ... и только четвертым стоит вопрос об эмиграции. Сравним с Сахаровым, утверждавшим что возможность уехать из страны есть главное право индивидуума, за которое в первую очередь и должно бороться. Как отмечает ИР, из той страны, в которой не всякий колхозник имеет право уехать дальше правления родного колхоза. Так что первый пункт — деревня, точнее, ее возрождение. В конце 70-ых — начале 80-ых уже никакие и не диссиденты заговорили о том, что колхозная система себя изжила, что русской земле нужен хозяин, а не наемник, и уж точно это стало главной темой для самой талантливой части российских писателей, окрещенных за то **"деревенщиками"**. Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин — умудрялись проносить слово правды и о революции, и о раскулачивании, и о войне прямо под носом советских цензоров. И сегодня можно сказать критику АИ: не хочешь читать Солженицына, так прочти у Распутина **"Живи и помни"**, там все написано и о ценности жизни винтика, честно сражавшегося за социалистическое отечество, но этим социалистическим отечеством ни в грош не ставимого; прочти у Белова про год великого перелома, а у Астафьева страшную повесть **"Пастух и пастушка"**, о том как война убивает душу в человеке (да и Валентин Катаев отметился, в 82 году опубликовав честную повесть о зверствах одесской ЧК во времена гражданской войны).

Деревня и религия, два главных вопроса. Как нам возродить деятельное крестьянство — не разбудив ли душу русского человека? А как разбудить

душу русского человека — не призывом ли к покаянию, к возвращению к духовным основам, на которые опирался и из которых поднимался русский народ? Не связаны ли эти два главных вопроса крепко единым узлом, как единым смыслом были соединены сами слова "крестьянин" и "христианин"...

Но вот снова вопрос: почему академик так остро чувствует эту крестьянскую тему? Ведь сам ИР по свидетельству близких не имел никакой тяги к земле, достаточно много времени проводя на небольшой дачке в Туристе — и только раз в 92 году на фоне поднимающегося призрака грядущего голода добросовестно участвовал в общесемейной посадке картофеля. Сравните хотя бы с АИ, так нежно обустраивавшим свою Борзовку, со всеми посадками и щемящей тоской — когда пришло оставлять ее по разделу бывшей жене. Как же пришло ИР на сердце так сосредоточенно сопережить трагедию русского крестьянского мира? Да не просто сопережить, но вознести высоко в теории, записав про то, что из всех крестьянских войн, ведшихся в истории, единственno русская крестьянская война привела к победе, несмотря на огромные жертвы. Ни восстание Уота Тайлера, ни жакерия не привели к подобным результатам: Ленин в 18 году провозгласил, что большевики лучше лягут костями, чем разрешат свободную торговлю хлебом; и тот же Ленин в 21ом: "...продолжение этой политики есть крах советской власти и диктатуры пролетариата". Взгляд конечно возвышенный (и АИ подмечал, что не остановился бы Ленин и перед более кровавыми жертвами, да самому стало видно, что скоро кормить себя и партию будет нечем), но для истории как науки — вполне обоснованный.

Что для Маркса крестьянство? — "сельская буржуазия", "варварская раса", "непонятный иероглиф для цивилизованного мира", "идиотизм сельской жизни". Но и для капитализма та же цель естественна — для промышленной революции в Англии начался широкий процесс раскрепощения, правда занял он двести лет, сравните с пятью годами нашей "мужичьей чумы" — коллективизации. И переступив уже через обвальные и трагичные 90ые, в лекциях для студентов Сретенской семинарии, озаглавленных "**Духовные основы российского кризиса XX века**", ИР для будущего обустройства России видит в качестве главного шага: "... возродить крестьянство и кооперацю как альтернативный и испытанный путь развития связей крестьянских хозяйств..." (и о том же АИ, в работе "Россия в обвале").

Ну а что говорит ИР по главному сахаровскому вопросу? Вот прямая цитата из интервью: *"Добровольно уехавшие деятели культуры просто не выдержали давления, которое десятилетиями выдерживали миллионы верующих, ... у них не оказалось достаточно духовных ценностей... Люди, лишенные этих ценностей, не могутнести жизненного вклада в культуру ... с какой стороны границы они не находились бы."*

Как эти слова могли быть восприняты героями третьей эмиграции? — и многими представителями творческой интеллигенции внутри России, выдевших в новых эмигрантах героев сопротивления, уехавших не сломленными для дальнейшей, всемирной борьбы. И люди уезжали, а некоторые и не уезжая, но отправляли тексты для опубликования в неподцензурных — как тогда казалось — журналах. И вот уже не из под гнета советской идеологии, которой некоторые из отъехавших славно поработали в свое время, а свободным выбором потекло - поехало то же, что эта самая идеология уже полвека талдычила о проклятом прошлом, о темных веках русской ис-

тории, о русской душе — вечной рабе, о том, что русским надо каяться и каяться. Таким покаянием не к высокой цели они звали русский народ, а к цели вполне заурядной: отбросить - забыть все свое, природное, а последовать путем западным, проверенным. И собрание текстов в "Вестнике РХД" так и озаглавлено было красивым греческим словом "метанойя", что и означает покаяние (а под псевдонимом "Телегин" скрывался, как говорят, Герцен Исаевич Копылов, одаренный физик из Дубны, "выездной" в те времена — таким путем, видимо, и рукопись перепорхнула, от ЦЕРНа в Женеве и до парижского издательства). Тут бы, к слову, и про неподцензурность: "**Метанойя**" журналом обозначалась как открывающая тему для дискуссии, с большими ожиданиями и энтузиазмом; в то же время короткой работе Владимира Осипова, редактора журнала "Вече" с четко выраженным национальным направлением, предпосыпалась серия реверансов что мол приходится давать слово и противной (в обеих смыслах) стороне.

Удивительная логика, но из прошлого — в прошлое же отправляли Россию, в то уже прошлое, прошедшее для западных демократий время. ИР также подмечает схожую деталь — ведь и коммунистические лидеры закабаленной России все время призывали "ДОГНАТЬ и перегнать", предполагая ее безнадежно отставшей. Ведь и неопределенное понятие прогресса входит важной составляющей в движении как к социалистическому, так и капиталистическому идеалу. И понятное дело тут возможности всего две: человек или прогрессивный, или — отсталый, темный.

Так вот и дрожало в голосах: прогрессивный значит западный, а традиционный российский — значит отсталый (так, между прочим, и до курьезного — одна образованная дама жаловалась в середине 80-ых, что ее культурная дочь, консерваторка, подпала под влияние "течений" и решила креститься, причем ладно бы в культурной католической церкви, но — в православной, какой ужас!) Что же это были за голоса? Людей ли внешних, чуждых совсем и русской традиции, и русской культуре? Да вот как бы и нет, голоса эти принадлежали представителям советской интеллигенции, некоторой части ее. Среди них были люди, внесшие неоценимый вклад и в советско-российскую науку, и в искусство: ну вот как не упомянуть того же Сахарова, бывшего одним из создателей ядерного оплота — в том числе и будущей России, без которого этого будущего могло и не существовать (современная перевертышная логика: самое страшное орудие убийства становится самым прочным залогом относительного мира). Несколько поколений выросло на песнях Окуджавы — и несмотря ни на что в последующем перевернутом мире именно его военная песня до сих пор отзывается в каждом русском сердце. Но русская боль нового разорения, пришедшего с распадом большой страны, оказалась не слышна ни Сахарову, ни Окуджаве, — боль 25 миллионов русских людей, в единый час оказавшихся на чужбине.

Да и само это разорение — как произошло? Без революции и явной гражданской войны — но снова Россия оказалась в обвале. При этом, как заметил другой математик - академик В.И. Арнольд в интервью середины 90-ых, вроде бы без явных репрессий и террора тот факт, что средняя продолжительность жизни в России сократилась за предыдущие пять лет на столько-то равносильно тому, что в течение этих пяти лет были уничтожены несколько миллионов, как в гражданскую или как в тридцатых годах уходящего века.

Почему же это произошло? Казалось бы под гнетом коммунизма русский народ должен был сплотиться, стать единым — как во время Великой Войны, закончившейся Великой Победой, победы духа над плотью. Ведь и социализм как болезнь не смог бы поразить здоровый организм, в котором все едино, все заодно. Как здоровый организм переносит нападение болезни, выстает, так и здоровый народный организм должен выстает под вихрями революций.

И если уж ИР так подробно исследовал природу социализма, то необходимо вытекал и вопрос о революции, через которую социализм воплотился и воцарился в России. Есть ли общие закономерности, связывающие революции в разных странах и разное время: английской (когда был казнен король), французской (когда были казнены король и королева), русской (когда были не просто казнены, а уничтожены все в царской семье, в прямом смысле — соляной кислотой и бензином, так что и следа не должно было на земле остаться). Естествен ли такой интерес — после **"Социализма"**? — абсолютно естествен, ведь социализм как течение достаточно теоретическое какими-то путями получил воплощение вполне реальное, в кровавом эксперименте, произведенном не над той страной и тем народом, где теория активно жила и развивалась, не там, где он был окончательно взрошен, а в России. Воплощение социализма в стране, народ которой составлял, по Марксу, **"контрреволюционную нацию"** (тут отбрасывался классовый подход, вся нация, без исключений — контрреволюционна), требовал объяснений. И поскольку сам марксов социализм существенно опирался на опыт французской революции, ИР обратился к истории последней.

Из океана работ, посвященной этой теме, ИР обращает внимание на труды малоизвестного французского историка Августина Кошена (убитого на фронте Первой мировой, так что его книги выходили посмертно, в двадцатых годах). Кошэн, исследуя французское общество накануне революции, вводит понятие "малого народа" как некоторой части народа большого, отличительной чертой которой является следование двум уже знакомым нам заветам: 1) прошлое всего народа есть "проклятое прошлое"; 2) будущее должно быть скопировано извне, по внешним образцам и лекалам. Для французской революции "извне" обозначало "как в Англии", для немецкой — как во Франции, ну а для русской, тесно связанной началом - Февралем с Англией, а вершиной - Октябрем — с Германией, видимо с последней. В английской революции роль малого народа играли пуритане — религиозный откол от оказавшегося еще слишком христианским лютеранства, которые как и положено ни в грош не ставили национальные традиции, а будущее видели также привнесенным извне.

Удачен ли сам термин — малый народ? ИР не сразу принимает его, поскольку некоторые утверждали, что подразумеваемая малая выделенная часть большого народа есть просто интеллигенция. Но, как замечает ИР, обычно к интеллигенции относят и врачей, и учителей, и инженеров — а в этой среде принятие и исповедование пунктов 1) и 2), представленные выше, совсем не очевидны. Вот недавно модный театральный режиссер Константин Богомолов написал текст о некоем "особом народе" как части творческой интеллигенции современной России, обособившемся особым отношением к последним событиям в истории России. Пусть так, но "особость" требует большей специализации, а вот "малость" не требует, ибо сразу видно, что речь идет именно о численно меньшей части, что в общем случае

статистически и имеет место.

Собственная работа ИР получила название **"Русофобия"**. Если социализм можно считать проявлением жизненфобии, то связка названий предыдущей работы о социализме и вот этой новой заставляет задуматься. Вообще же это слово было тогда в диковинку: я не встречал его в других источниках за исключением вот только статьи, напечатанной известным ревдемом Владимиром Станкевичем в двадцатых годах в Берлине — и то там использовалось оно с двумя "с". Сегодня же в современной России оно звучит на каждом углу, и до курьезного...

... Крымским ясным зорным утром, в середине мая, готовился я к настоящему выступлению, время от времени заглядывая в новостную строку (сами понимаете, время такое...). И вот — новость: дама - депутат, в Государственной думе не последняя, заявляет, что нам надо дать точное определение русофобии для того, чтобы законодательно закрепить уголовное наказание за нее. Дама - депутат, конечно, не читала работ ИР, иначе бы знала, что за русофобию бессмысленно наказывать, а в нашем уголовном кодексе вполне хватает статей, могущих при желании властей предержащих защитить наши тонкие национальные чувства...

По сути ИР является далеко не первым, заметившим это явление. *"Как сладостно отчизну ненавидеть"* — сказано чуть не на полтора века раньше. И еще сразу на ум приходит Данилевский, в оценке трудов которого так расходятся ИР и АИ. Если первая его основная идея — многополярность исторического процесса — не может вызывать спора, то вторая — близкая смена западного культурно - исторического типа на славянской — приводит к той самой *"дурой, надменной, никчемной"* идее панславизма, которая впоследствии столько бед принесла России. Но ИР обращает внимание именно на первую, при рассмотрениях которой Данилевский делает выводы: Запад видит в славянах вечных врагов, "не своих", и никогда мы не будем им своими (у нас в отличие от "них" под рыхлой поверхностью — твердое ядро, и понятно каким молотом выковалось это ядро!), и на протяжении трех веков Запад использует двойные стандарты, разделяя мир на своих и не своих. Отсюда всякий западник на Руси — отрицает традицию, выкованную вместе с этим ядром, презирает, ненавидит, смеется над ней, но и боится ее. Ведь фобия это и боязнь, и ненависть.

...Вот интеллигентный молодой человек, по долгу службы становится свидетелем отпевания православного коллеги. Всем раздают свечи. Молодой человек, когда ему протягивают свечу, брезгливо отдергивает руку. Что в этом жесте — боязнь или ненависть к этому дурацкому обряду, к этой глупой традиции, где все постное масло да квашенная капуста? Если ты атеист — то чего тебе бояться подержать немного в руках оплывающую свечку, разве что руку обжечь? Нет, в этом жесте именно фобия, — в едином этом двоесмысленном слове в данном случае отражаются оба смысла...

Как социализм есть явление истории мировой, так и русофобия есть существенное явление в истории русской. И выражается русофобия прежде всего в 1) отказе от собственного прошлого, в том числе от национальной истории и традиции и в 2) отказе от будущего, место которого предлагается заместить состоявшимся прошлым другой страны, другого народа, другой культуры. То есть народ как единый организм предполагается препарировать — вынуть собственную душу и заменить на душу иную. Или уже даже и не заменять, поскольку для чего душа и дух, когда все вопросы

решены — другими, все страдания перенесены — другими, все вершины по-корены — другими (и других вершин вам не положено). Но и тут тонкий момент, ведь русский народ никогда не был замкнут в своей среде, наоборот — всегда чуточку ловил то новое, что возникало в западной культуре, сначала подражательно, затем — перенося и преображая проникновением национального чувства (с чего начиналась великая русская литература? музыка? живопись? — сначала с достаточно жалкого подражательства, но затем поднимаясь все выше и выше, обогащая и мировую культуру).

ИР любил прибегать и следовать примерам из самой математики и близких к ней наук. Вспомним, **”Две дороги к одному обрыву”** так и начинаются: *”Физики уже давно привыкли к тому, что появление в некоторой области противоречий обычно предвещает обнаружение какой-то новой закономерности”*. Так вот, как мы знаем, в физике эксперимент и теория могут следовать друг за другом в разном порядке. Конечно, чаще всего эксперимент предшествует теории: сначала обнаруживают некоторый новый эффект, потом ищут теоретическую модель, которая бы его объясняла. Но бывает и наоборот, когда сначала теория предсказывает, а затем эксперимент подтверждает. Поль Дирак, говоривший что всякая физическая теория должна обладать математической красотой, заметил в свое время, что его уравнения допускают в качестве решений кроме уже известных электрона еще и неведомую частицу, отличающуюся от электрона только знаком заряда. Несмотря на то, что первое время вывод Дирака был встречаем с недоумением (если не со скрытой насмешкой), соответствующая частица, названная позитроном, была через какое -то время экспериментально обнаружена. Подчеркнем еще раз, что второе последование случается гораздо реже первого, особенно если говорить не о физике, а об истории.

Замечательным образом работа **”Русофобия”** оказалась одновременно и попыткой объяснения прошлого, но и предсказанием будущего, стряпавшегося над Россией почти через четверть века, в трех словах определенного АИ: **”Россия в обвале”**. В диком переломе русской жизни — очередном в XX веке — и непосредственно во времени, предшествовавшем этому периоду, мы снова встретились с ”малым народом”. На этот раз оказалось возможным более точно проследить, как малый народ воспроизводит себя, привлекая и перелицовывая под свой стандарт талантливых молодых людей, не сразу и не атакой, а медленной тонкой обработкой. Как у малого народа вырабатывается своя, альтернативная история России (но уж больно похожая на ту, в которой *”Суворов был палач, Кутузов был лакей...”*). Своя альтернативная литература, где и свои собственные гении, зачастую неведомые народу большому, но и кто пожиже тоже слушаются. Да что история — антропология своя, когда русских и не признают людьми, а некими ”собакосвиньями”, что можно встретить в высокофилософских дискуссиях в некоторых интернет - группах (возможно, тут отзвук от Геродота, Гесиода и прочих, убеждавших в существовании ”людей с песьюми головами”; а может и отзвук развеселого романа о солдате Чонкине, с забавными намеками). То, что является важнейшим событием в новой истории большого народа (а может и за всю историю — вторым после Крещения) — Великая Победа, для малого народа есть фактор раздражительный, и уж если дозволено русским этот день отмечать — то и тут только опять платить и каяться. Да еще одна большая тема **”Русофобии”**, о которой я до поры умолчал, — удивительно отразилась в сегодняшней жизни, поскольку мно-

гие из сегодняшнего малого народа после февраля прошлого года поехали получать израильские паспорта (зачастую не будучи ни евреями, ни даже иудеями, ни хотя бы сочувствующими ортодоксальной религии или религии вообще).

АИ в свое время был заклеймен (как оказалось, примерочно - предварительно) за то, что в **"Архипелаге"** привел список руководящего состава НКВД на Беломорканале, и с фотографиями. Казалось бы, простой исторический факт, истинность которого не оспаривается и не может быть оспорена в принципе. Но оказывается может быть оспорена возможность эти факты хранить, представлять или обсуждать (ну прямо выплывает декор и лепнина "родненькой" 58 статьи). Выше при разговоре об истории как науки мы нигде не встретили упоминания о том, что какие-то факты не могут быть в принципе вовлечены в исследования, они должны быть исключены из мировой истории или истории какого-либо народа. Вот как бы звучала история татарского ига в России, если бы подобная область табу и запретов включала в себя историю монголов или татар: неведомое племя нашло на Русь, разбило разобщенных князей, на двести лет поработило русских людей, заставляя платить их дань... Нет, даже более того, эта схема уже бросает тень на неизвестный народ, кого они там поработили, с кого кожу снимали, — логика "защитников" еврейского народа идет гораздо дальше: а не было вообще этих двух веков! И если кто озвучил подобную тему, в которой не монголы и татары фигурируют в русской истории, а евреи — тот антисемит. В **"Русофобии"** ИР предвидит такую реакцию и предлагает определить последний термин. Кто это — антисемит? Тот, кто ненавидит любого, кто несет на себе черты, характерные для еврейского народа? Тот, кто, установив еврейство кого-либо, ставит ему препоны, или хотя бы подходит с особой меркой, нежели как к представителю другого народа (и таких, конечно, можно было найти в русской среде)? Но список учеников ИР, просто взятый из Википедии, показывает, что по отношению к самому ИР этот довод просто смехотворен. Вот Юра Миллер, 16 летний юноша из Симферополя, приезжает поступать в Москву, вот его по какой-то причине заваливают на экзамене (53 год на дворе!). ИР прилагает большие усилия чтобы помочь своему будущему ученику. Вот Борис Мойшезон, талантливый математик, отучился в аспирантуре и защитил кандидатскую у Гельфанд в Москве, но должен отправиться к пункту прописки, а там привлекается по статье за тунеядство в родном Душанбе, потому что хочет заниматься математикой, а не корпеть по советскому распределению. Заметим, тут судьба Бродского не в пример и параллель, потому как не Русский север для ссылки светил Борису, а разные экзотические уголки родного Таджикистана. ИР практически со скамьи подсудимых вытаскивает будущего профессора Колумбийского университета. А еще из учеников Евгений Голод, Юрий Шабат, — но эти никуда не уехали, и к учителю отношения не изменили после того, как...

ИР в **"Русофобии"** кроме пунктов 1) и 2), представленных выше, предлагает и пункт 3), заключающийся в том, что на протяжении XX века активную роль в малом народе России играла некоторая часть еврейского народа. Отнюдь не все российские евреи оказались в черте малого народа, но некоторая только часть, собственно малый народ в той части большого еврейского народа, которая проживала на территории России (сначала Российской империи, потом в СССР). ИР упоминает высказывание, содержа-

щееся во втором томе воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам, о том что вообще всякий русский интеллигент еврей, — но скорее как курьезное, уровень обсуждения гораздо выше. Речь идет не о том, какой народ больше виноват перед другим, — тут ИР поминает любимое присловье Льва Николаевича Гумилева: наблюдая за химической реакцией бессмысленно задавать вопрос кто виновнее — щелочь или кислота. Но и даже не к раскаянию за кровавые преступления крайней своей части в русской судьбе зовет ИР еврейский народ, а только — если остаетесь с нами, то обратите внимание и на нашу боль, а если уходите — то оставьте в памяти своего народа не лозунги вроде *"моря пролитой еврейской крови в этой стране"*, *"вечная угнетенность еврея перед русскими на протяжении всего XX века"*, потому что не лозунгами жива история, а упором на крепкие факты. Факты же ИР, коренному обитателю академической среды, для его строительства доставались иные: несмотря на дореволюционные ограничения, в российской математике известны еврейские имена еще с конца XIX века, а уж после революции, когда возможность образования стала в зависимость от соцпроисхождения, еврейская молодежь даже из семей с изрядным достатком заполнила большую часть учебных аудиторий советских вузов. Так что через полвека, уже после борьбы с космополитизмом, национальный состав отделения физики и математики Академии наук СССР как исторический факт вступал в существенное противоречие со всеми лозунгами такого рода. Укоряют ли ИР в этом седовласых академиков — ни в коей мере, они своей работой приносили очевидную пользу и той стране, и будущей России. Горькая просьба лишь одна — не плевать в колодец, из которого сами пили (а может и еще самим пить придется?), и если не находится слов благодарности тому народу, среди которого взросли, то хотя бы сохранить благоприличное молчание.

А историй там было — на многие тома: вот известный математик, уехавший на запад одним из первых в перестроенную пору, заявляет, что из-за обычного для СССР антисемитизма он, блестяще защитив диссертацию в ленинградском университете, вынужден был искать работу в Сыктывкаре, но при этом умалчивает о том, что в это же время его родной брат — полный академик, тут обычный для СССР антисемитизм забуксовал. А вот курьезная история переезда выдающегося физика из Киева в Москву, случившаяся из-за того, что партийная администрация одного столичного института указала его научному руководителю - академику на то, что мол у вас вокруг одни евреи, надо бы разбавить кем-то и из титульной нации, и вот приглашают из Киева человека с русской фамилией, а он оказывается таким же евреем.

Но повторюсь и подчеркну — ИР в **"Русофобии"** кроме констатации факта не призывает ни к какому покаянию, а только говорит: *"Россия - мать"* для очень многих и многих людей не пустые слова, не абстрактный символ, не лукавый оборот коммунистической пропаганды, когда надо мобилизовать русских людей на защиту своей власти, а и в самом деле что-то очень дорогое, за что готово кровью облиться сердце. И когда отнюдь не еврей, а *"чистопродный русак с бородой до пояса"* обращается к ней, называя бранным словом, — вот чего не может перенести ИР, вот с чем готов бороться — но ведь словом! именно словом. Не к погрому призывал ИР в **"Русофобии"**, как громко звонко лгали голоса по обе стороны границы России, а к честной и открытой дискуссии.

"Русофобия" была написана и пущена в Самиздат еще в конце 70ых годов, а в 83 была уже и настоящая публикация в журнале "Вече". Казалось что уже в это время малый народ должен был бы обратить внимание на такой демарш; однако когда в феврале 1987 года ИР впервые допустили до публичного выступления в МГУ, после изгнания в 75ом за правозащитную деятельность и сотрудничество с АИ, большая лекционная аудитория на 16 ом этаже главного здания была набита битком, причем достаточно большую часть составляла молодежь, в том числе и еврейская. Они пришли слушать не только великого ученого, но и своего защитника, который всегда откликался на просьбы заступиться за того или другого матшкольника, из - за пятого пункта заваливаемого при поступлении на мех-мат. А те, кого не удавалось отстоять, свободно приходили на его семинар, занимались с самим ИР или его учениками, потому что в школе Шафаревича *"несть ни эллина, ни иудея"* — а все суть братья - математики. А еще при освобождении "Нового мира" от идеологических пут АИ, видимо, подсказал Сергею Залыгину близкого по духу автора, — и две работы ИР выходят во все еще знакомом в те поры журнале под той же синей обложкой. А должна была выйти и третья работа ИР, и могла, и уверенно говорю — эта публикация изменила бы нашу историю самого конца XX века, потому что привела бы к открытой и честной дискуссии о том, как осознать и преодолеть разделение в большом организме, который составляет выходящий из тяжелейшей болезни русский народ. Умирающая социалистическая идеология не смогла остановить публикацию **"Архипелага"**, но идеология наследующая спровоцировала с **"Русофобией"**. Потому что впереди маячил новый эксперимент, из которого Россия, по мечте и задумке некоторых, уже и не должна была выбираться.

Оставьте предубеждение, не одергивайте руки, как тот молодой интеллигент от копеечной свечки, откройте **"Русофобию"**, пройдите внимательно по тексту. В спектре "сухая констатация фактов" vs "эмоционально окрашенная констатация" vs "приукрашенная констатация" vs "перекрашенная констатация" автор не удаляется дальше второй ступени, да и это не в укор, так и **"Архипелаг"** написан. Автор говорит о новой заповеди *"Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку!"* — что она удивительным образом воплощается в духе древнего Талмуда, большая часть правил которого имеет зависимое от вводных данных резюме. Даже и конкретно, шельмовавшие Пастернака лица — одни в новой хронологии малого народа помещаются в ад за свои страшные грехи, а другие — в рай за свои страдания, потому что были вынуждены в связи со своей вечной в этой стране пригнетенности так же голосовать и шельмовать.

Но дискуссии не получилось. Громкий левый фланг отозвался коротко: "антисемит!" (да и фашиста не стеснялись клепать, зачастую те же, кто пятнадцатью годами ранее пришипливал "литературного власовца" АИ). Правый фланг менее краток: "академик Шафаревич строго научно доказал, что во всех русских бедах виноваты евреи!", зато не менее далек от того, чтобы прочитать что же написано в этой самой **"Русофобии"**. Но это здесь, а заграницей пронесся просто шторм, как когда - то в защиту Сахарова — а теперь в проклятие Шафаревичу. Пять сотен американских математиков в январе 92 года, среди них и выходцы из СССР, и даже ученики самого ИР или его учеников (а еще китайцы и японцы — что они в этом понимали, видимо просто местные "парторги" шли по списку, как в

свое время в "самой свободной в мире" стране), — гневное короткое письмо, без единого факта, только штамп - штамп - штамп (да еще коротко потому, что Бюллетень Американского матобщества не мог публиковать это как статью, только на месте рекламы — значит, кто-то такую рекламку проплатил?). Под тем, что ИР известен своими выходками против евреев, подписывается и вчерашний кандидат в душанбинские тунеядцы ("плачу, но подписываю" — по словам случайного свидетеля). А еще один, тоже вырученный в свое время ИР из трудной жизненной ситуации, расцветший в новой совместной работе с ним, спавший в походах в одной палатке, — отказывается подписать общее, потому что собирается писать свое личное, с развернутым обоснованием антисемитизма Шафаревича. И президент Американского матобщества обращается к ИР: у нас нет процедуры исключения, вы должны покинуть наши ряды добровольно. Но и пока не всех еще тут, на западе, построишь, — некоторые выдающиеся математики открыто выражают несогласие с таким шельмованием и невозможностью открытого обсуждения. И рассудительный и спокойный ответ ИР (а выйдет из AMS он позже, после бомбежек Сербии, на которые никто из тех подписантов не отзовется ни полслово).

... Когда - то один бывший в то время православным журналист опубликовал статью с полушутильным названием **"Как делают антисемитом"**. Но вряд ли такие вопросы стоит обсуждать в шутливом тоне, тем более что антисемитом не становятся, антисемитом не делают, антисемитом — назначают. ИР много раз обращает внимание на то, что антисемитизм оказывается близким родственником антисоветизма в том смысле, что оба этих понятия не определены в достаточной степени чтобы ими оперировать в научной дискуссии, зато хорошо отточены для боев идеологических, в которых принимаются как некоторое неконвенциональное оружие (и из сравнения судеб **"Архипелага"** и **"Русофобии"** мы видим, что второе все же слабее первого, некоторыми прямо сравниваемого с атомным)...

Почему же это произошло, как это видится сегодня, через десятилетия? Коммунизм пал, и шла борьба за то, какой путь Россия выберет, выбираясь из - под его обломков, из - под глыб. Подкормленное заранее поколение эмигрантов должно было занять вакuum, образовавшийся с падением социалистической идеологии, — иначе не объяснишь то внимание, с которым внешние силы поддерживали многие их начинания сначала там, а потом здесь. И это касалось не только культурной или духовной жизни, в не меньшей степени и религиозной. Новые властители интеллигентных дум трясли силы на шельмование Православной церкви и ее иерархов, как прошлых, так и настоящих. Ну и если дальше вспоминать и развивать исследование этого вопроса, то — bingo! — мы просто оказываемся перед основными положениями теории, представленной ИР в **"Русофобии"**.

В конце 80ых и на протяжении 90ых годов нам упорно твердили о погромах, которые вот уже начинаются кое - где и скоро полыхнут сплошным заревом, по всей новой России (насколько это похожим оказалось на описанное в **"Красном колесе"** постоянное разжигание в революционное время ожиданий выступления мифических черносотенных дружин). Твердили о том, что любое обсуждение роли евреев в революции и последующей истории России ведет лишь к погрому, народишко уж у нас такой. Но при этом как - то стыдливо обходили стороной реальное положение еврейской части российского малого народа: иногда лишь прорывалось то письмо еврейско-

го же журналиста Эдурада Тополя, в котором он перечисляет новых хозяев экономической жизни России (из членов т.н. семибанкирщины — четверо евреи), то телеканал НТВ с умилением показывает этих самых банкиров в иудейской пустыни, непривычно голодающих перед каким-то еврейским религиозным праздником, — и как это могло выглядеть для реально голодающей России? А хозяин этого телеканала в какой - то момент и совсем теряет берега, Православной Пасхе приурочивая показ на своем канале кощунственного фильма о Христе (зачем? какой логикой объяснить это?).

Проходит десять лет, ИР отзывается дополнением **"Русофобия: десять лет спустя"**. Снова констатация фактов, теперь уже из жизни новой России (в том числе, уже упомянутых абзацем выше). Казалось, что из **"Обособления или сближения"** российская часть еврейского народа выбирала первое: широк был поток возвращающихся на историческую родину, не меньшим по масштабу был исход за океан (кстати, и русских уехали тогда немало). Но удивительно — и в новой России не убывало. Открывались еврейские школы (и большой еврейский центр построен был в Марьиной роще). Построились новые синагоги, да не только в европейской части России, но и далеко на востоке, Новосибирск, Красноярск, Иркутск. В российских вузах появилась новая научная дисциплина "иудаика"... Развод не состоялся.

Видимо, это послужило одной из причин того, что дискуссия все - таки состоялась. Неожиданно для многих в начале 2000ых появляется большая работа АИ **"Двести лет вместе"**, посвященная тому же кругу вопросов. Более того, не только основными вопросами, но и сама по себе эта работа видится теснейшим образом связанной с **"Русофобией"** ИР. Только наблюдатели меняются местами: академик теперь выступает как страстный полемист (и как "истор"), а страстный полемист выступает в роли академика, в некотором смысле "теора" (что и номинально объяснимо, после возвращения АИ — полный академик РАН, только по другому отделению). Но физическое возвращение на родину не назовешь академическим: вместо широко ожидаемого триумфального въезда в столицу — долгая дорога с востока через всю страну, многочисленные встречи - встречи - встречи, разговоры с живыми людьми, с "винтиками", а потом еще — и в родной Ростов, и на места боев в Курской области. В сумме АИ посещает 26 областей, чтобы набраться реальных ощущений, стать "истором" и этого нового времени.

На грубый первый взгляд, в самом первом приближении что роднит эти две работы? Конечно же, кроме самого выбора темы, реакция на них и слева, и справа. С левой стороны мы услышали тот же истошный вопль: "антисемит!". Да еще же, подлец, искусно прикрылся — все многочисленные цитаты практически только из еврейских источников ("ну вы наконец видите? мы же вам это уже десятилетиями твердим"). Ни и справа — негодование: нельзя так вежливо про них писать! чай коммунистов можно было с плеча в **"Архипелаге"** рубить, а этих - то вон как "борода" - подлец нежно поглаживает, только лишь пальчиком погроживает. В общем, как и в случае с **"Русофобией"**, и справа и слева — лились на авторов одни помои.

Почему же АИ выпускает при жизни эту работу? Поревновал ли "славе" ИР, решил ли смиренным перенесением всего этого мирового шельмования искупить неискупленные еще грехи? Хотел ли заслужить прощение у "патриотов"? Мне не видится однозначного ответа на этот вопрос, однако следующие соображения имеют право быть представлены здесь.

Сам АИ признает, что готов к этой теме уже давно, когда в пылу работы над **"Красным колесом"** эту тему пришлось даже приглушить, настолько она дышала в рамках всех отмерянных сроков, но приглушив — забыть или обойти было никак нельзя. АИ подтверждает: тема **"Русофобии"** не выдумана свихнувшимся со временем академиком (как это объясняли те, кому не увилинуло было от того, что ИР был великим защитником утесняемых евреев). Для выздоравливающего после тяжелейшей болезни русского организма необходима правдивая история болезни, в которую обязаны включить и подробный анализ тех малых его частей, оказавшихся проводниками болезни, а не ее противниками. Но и более того, честная дискуссия необходима здесь не только для русских, но и для самих евреев. Потому что для них русская история XX века не менее важна, ведь это частью и их собственная история. Самим евреям рассмотреть роль своего малого народа, который оказался частью малого народа большой нации, в среде которой евреи пребывали на протяжении столь долгого времени, также жизненно необходимо (потому и Михаил Агурский всегда был уважительным собеседником ИР). Начать хотя бы с того, что социалистическая идеология с самого начала была крайне враждебна к сионизму, даже само это слово попало в "святы": под нажимом СССР и дружественных соцстран через обсуждение в ООН резолюцией 75 года приравнено к расизму (правда, в 91 году та резолюция была отменена, вместе с СССР). В начале 80ых, воспитанные под лозунги социалистической идеологии, хотя и в недоверии к марксизму, мы с легкой усмешкой воспринимали разговоры наших соучеников, сопоходников и просто друзей, вдруг с интересом обратившихся к изучению иврита, основ религии или просто истории иудейских древностей в маленьких кружках. Разговоры о том, что сионизм — это просто желание евреев наконец обрести свою родину, стать большим народом с собственным национальным государством. А в начале века — не тем же ведомы были вожди сионизма, когда вместо революции старались направлять активную еврейскую молодежь к переезду в Палестину? Для евреев, несмотря на все еще существовавшие, но постепенно снимавшиеся, запреты, дореволюционная жизнь в России была такой, что несмотря на свободную возможность эмигрировать при широкой финансовой поддержке американских еврейских организаций, поток уезжающих был невелик. Миф о "русском природном антисемитизме" легко разбивается параллельным рассмотрением двух дел, происходивших почти одновременно в глухой лапотной России и высокопросвещенной Франции: дело Бейлиса кончилось оправданием подсудимого двенадцатью присяжными "в зипунах"; примерно в это же время Дрейфус был трижды осужден. Осужден при том, что уже ко второму рассмотрению дела полковник Анри, убедившись в сфабрикованности его, покончил с собой. Осужденный Дрейфус успел побывать в Кайене и был помилован, но не судом, а президентом французской республики. То, что пришлось пережить еврейскому населению России в революцию и гражданскую войну, не может сравниться с трагическими дореволюционными погромами, имевшими место на периферии тогдашней империи, даже если прибегнуть с тысячекратному увеличению жертв, как принято сегодня в западной литературе. И если обращать внимание только на фамилии следователей ЧК в Одессе, Киеве и дальше по всей стране, то и жертвами ЧК зачастую в первую очередь становились их, следователей, сородичи, не принимавшие новой светлой жизни, омываемой потоками крови (вот и у Катаева в повести об одесской ЧК, русский герой

с трепетом смотрит на красавицу - еврейку, уводимую на расстрел).

То есть и с точки зрения национальной, и с точки зрения личностной социализм и революция обернулись такой же бедой для еврейского народа, как и для русского, в том числе отложив на долгое время создание национального еврейского государства. Страшно представить, но все же попробуем — если бы такое государство возникло в двадцатых или тридцатых годах при направлении в правильное русло той бешеной энергии, которую вылила в грязь и кровь революционированная часть еврейской молодежи, то евреям Европы было куда утешиться из под когтистой лапы национал-социализма (тут еще всплывает и популярная в некоторых кругах басня о том, что Гитлер готов был всех евреев вместо газовых камер отпустить в Палестину, да американские еврейские тузы этого не допустили, потому что сионизм и для них был врагом).

В проективной геометрии известны два типа координат: аффинные, определенные для каждой локальной карты, в которых удобно проводить локальные вычисления и с выбора которых любые эти самые вычисления начинаются; и однородные, описывающие все пространство единым оглядом и позволяющие уравновешивать рассмотренные вместе локальные вычисления для разных карт. Очевидно, что система координат в **"Русофобии"** — аффинная, описывающая как все видится в нашей локальной русской карте. Но чтобы перенести наш опыт на уровень общемирового рассмотрения, или хотя бы для бинокулярного взгляда, когда роль разных глаз играют два разных народа, необходимы координаты однородные, используемые автором в **"Двести лет вместе"**. Принимая все русские вопросы и выводы ИР, АИ выводит их на уровень такого бинокулярного зрения, одновременно как коромыслом передавая напряжение русского плеча к плечу еврейскому, уравновешивая мнения и страсти. Казалось бы, зачем?

К концу двадцатого века стало уже очевидным, что национальное еврейское государство оказалось способным к стабильному существованию (несмотря на все шутки о том, что умные евреи из своей пустыни в Америку сбегут), и таким образом еврейский народ обнаружил себя к началу XXI века большим народом с собственным национальным государством — и с проблемами, которых, находясь в рассеянии на протяжении веков, евреи не ведали. Одна из проблем — та самая, проблема малого народа, и она возникла не при звуке горна в час первого поднятия национального флага, но еще задолго до рождения еврейского государства. То есть еще до того, как разбросанные по миру члены свелись в единый организм большого народа, малый народ уже вовсю функционировал, в том числе препятствуя слиянию разрозненных членов в единый национальный организм. И Маркс, и Троцкий — будучи несомненно евреями — проклинали патриотизм, в том числе и еврейский, а сионизм и был таким особым патриотизмом еще без "патрии" явной, но с той, что носима в сердцах была на протяжении веков (в том и разница: кому патрия, а Троцкому — партия). Поэтому **"Двести лет вместе"** есть и спокойный рассказ о том малом народе в народе русском, частью которого, потеряв национальные и религиозные традиции и очертив голову, стала некоторая часть российских евреев, и добрый совет — на что евреям надо бы обратить внимание в своем собственном национальном домостроительстве.

А еще причина была в том, что через двадцать лет после **"Русофобии"** ясным стало, что развод между русским и еврейским народом так и не со-

стоялся. Этого не могло быть видно автору "Русофобии" в свое время, но уже отчетливо было видно АИ в начале нового века. И причина не в том, как опять же московские острословцы вылепляли: "Израиль есть шестнадцатая союзная республика". Причина в том, что национальная еврейская культура вырастала и проросла на протяжении XX века сквозь культуру русскую так, что "*сейчас оторви — кровь потечет*". Если к началу ХХ века языком национальной еврейской культуры был идиш, доставшийся в наследство от немецкого или общеевропейского периода ее развития, то сегодня можно смело утверждать, что к началу ХХI века таким новым идишем стал русский язык. На этом языке до сегодняшнего дня творят многие представители еврейской культуры, и хотя это конечно уходящая для современного Израиля традиция, еще какое-то время русский язык будет оставаться культурной составляющей и там. А уж тем более если речь идет о достаточно многочисленной еврейской диаспоре в современной России, — и что удерживает ее здесь? представление о "провинциальности культурного уровня" там, у древних могил пророков (существующих между прочим сегодня благодаря Русской духовной миссии в Иерусалиме, старой еще, дореволюционной)? Или естественное желание не оставить в забвении могилы предков, поработавших России. Грустная астафьевская шутка — дождить бы, когда и русские пушкиноведы появятся — касается кичливого Эйдельмана, но не тех невеликих, кто сопричастником великой русской культуре верно служил ей на протяжении ХХ века. Как разделить теперь русские и еврейские мотивы в творчестве Левитана, как определить чей он? И то же самое с Пастернаком, а о Мандельштаме и с удивлением — как он разглядел мужикоборца, когда все если видели и ужасались, то только террор против своего брата - интеллигента. Как теперь еврейской культуре быть — уходить ли с пустым вещмешком в пустыню заново изобретенного языка? Сколько еще времени пройдет пока он зазвучит, запоет, восстанет в новых вершинах? А и русским как — проводить Пастернака, Мандельштама и всех прочих на пароход до Хайфы (а некоторые собственные, торопясь занять освобождающиеся места в местном малом народе, требуют и с того парохода сбросить)? Ну тут хотя бы остается мнооого своего, да все равно — резать по живому (а маленьких редакторов, вроде Аси Берзера, которых тоже по лицу России было рассыпано множество, помогавших и русским, и всем прочим возвращаться и возрастать в своей же национальной культуре — как отдать?).

И еще же к той теме — роль евреев в религиозном возрождении России. Возможно и небольшая по меркам необъятной России, но вполне заметная. Скажем только лишь о времени, которому сами были свидетелями: много еврейских фамилий православных священнослужителей были на слуху с 70-ых и по 90-ые. И пусть "русские патриоты", не отличающие ни на слух, ни на дух вечерни от утрени, дуют в свои дудки, но отец Александр Мень славно поработал на ниве церковного возрождения в свое время, приведя в лоно Русской Православной Церкви много представителей советской интеллигенции, и скончался трагически в полном мире с церковью. Объявлял ли он при этом себя русским? нет, он был православным евреем русской культуры.

Несмотря на выбор другой системы координат, автор "Двести лет вместе" регулярно выбрасывает маячки, удостоверяющие глубокую связь с "Русофобией". Будущий исследователь творчества ИР или АИ когда-

нибудь профессионально разработает эту тему (а может и найдет в обширнейшем архиве последнего экземпляр той работы первого, с пестротой помет на полях), а пока что упомянем несколько таких точек, оказавшихся видимыми даже нашему любительскому глазу.

"Россия и евреи", послереволюционный сборник статей трех еврейских авторов, переживших крах родной для них страны. Это источник, без которого возможно ИР не решился бы пройти весь путь до конца. Таких евреев было немало в России, но мало кто смог выступить так смело и открыто, несмотря на то, что в послереволюционное время ни русские эмигранты не оценили их подвига, ни тем более еврейские, оценившие лишь как выродков собственного народа. Этот же источник важен и для АИ, который в благодарную память публикует те крохи из их биографий, что оказалось возможным отыскать.

Основная причина, по которой часть молодого еврейства активно бросилась в революцию — из -за тех несправедливых ограничений, наложенных на эту нацию в границах Российской империи, из -за памяти погибших при погромах, тут вроде бы сходятся многие, отчасти и ИР с АИ. ИР упоминает революционера Мартова, пережившего в детстве страх приближающегося по их улице погрома, к счастью так и не достигшего их дома, разогнали казаки. Но с высоты сегодняшнего дня, из опыта 90ых годов, это не кажется очевидным (да и в случае с Мартовым — если бы это было так, то он кажется должен был бы очень любить казаков?) Лидерами европейской части малого народа в 90 - ые были (да и до сегодняшнего дня остаются) дети и внуки номенклатурных работников, не испытывавших стеснений в современной им стране. Также и ИР указывает, а АИ развертывает подробно: что эта причина не может быть основной, поскольку например в венгерском и немецком восстаниях, последовавших вскорости за нашим Октябрьем, евреев было много в новых советских правительствах, но при этом никаких особых стеснений эта нация в предшествовавший революции период не испытывали ни в одной из указанных стран; а АИ и в **"Красном колесе"** еще достаточно привел примеров биографий революционеров, из которых видно, что особых стеснений они до революции не испытывали — ни Троцкий, оканчивавший в Николаеве гимназию при богатом отце, ни Урицкий, будущий кровавый палач Петрограда, спокойно пересиживавший мировую войну в земгоре, ни многие другие.

Ну или вот выбор особых примеров: ИР упоминает Галича, успешного сценариста, получившего премию за фильм о чекистах. В **"Русофобии"** это высказано коротко и немного сердито; и вот АИ приходится в своей работе расшифровать подробно что удивляет в творчестве этого популярного барда, возведенного малым народом чуть ли не в звание пророка или мученика (а уж то, что он лучший русский поэт — приходилось слышать не один раз). Удивляет все тот же призыв к раскаянию — русских, а к собственному за прославление палачей — ни звука.

А вот еще интересно: ИР к тому же типу относил и Владимира Высоцкого, а вот АИ вроде сначала к тому же склонялся, но прослушал его военные песни и сказал: "Ни единого слова неправды!"; так и ИР в поздней редакции Высоцкого исключил из того ряда.

Мне приходилось выслушивать и не раз: **"Двести лет вместе"** еще можно читать, а вот **"Русофobia"** это за рамками... Но за рамками чего? В современной России есть такое простое действие — обратиться в суд по

поводу некоторой книги и доказать в суде, что она не может быть распространяется на территории России. Например, одна из статей Вагнера подпала под процесс в суде какого-то небольшого городка (кажется Вельска, — ну - ка, читатель, найди на карте!) и вот теперь мы не сможем узнать о еврейских мотивах в музыке одного из близких друзей Вагнера, Мендельсона Бартольди. Но про "**Русофобию**" и вестей не приходило, чтобы где-то из - за нее процесс начинали (как не отклинулись в свое время советские власти на призыв осторожных американских издателей "**Архипелага**" — представить аргументы и факты против приведенных в этой книге). Вроде нам не в привычку ориентироваться на тот минимальный уровень морали, который составляет юридический прецедент, поэтому посмотрим что, например, говорит о ИР такой либеральный источник, как русскоязычная Википедия. Во всем тексте статьи, посвященной ИР, есть вставка, в которой критикуется только одно: дескать, ИР упоминает о версии, что убийство Царственных Страстотерпцев в ипатьевском доме имело ритуальный характер, и что Царя застрелил лично Юровский...

... А еще был некролог, опубликованный в электронном архиве препринтов бывшим учеником ИР, американским профессором Игорем Долгачевым вскоре после ухода учителя. В первых разделах речь шла о математических работах ИР, но в последнем не обойденной оказалась и общественно - политическая позиция, и публицистические работы, в том числе и "**Русофobia**". В свое время Долгачев эмигрировал из СССР по еврейской линии, и имя его как профессора Мичиганского университета есть в списке тех пятисот, о котором говорили выше. И вот сейчас, в этом некрологе, прозвучали совершенно иные слова, — звездные и добрые, о том, что "**Русофobia**" это речь человека, любящего свой народ и откликающегося на облыгание его самого, его истории и традиций.

Несмотря на локальность координат, выбранных автором в "**Русофобии**", каждый народ может найти для себя в этой работе универсальный вопрос: а возможно ли при возвращении научной или творческой элиты избежать раскольного отдаления от верований и традиций большого народа? Ведь кажется очевидным что как малый народ не может существовать без большого, так и большой без малого. И, как мы видели выше, самовоспроизведение уже существующего малого народа основывается прежде всего на философии исключительности. Молодого человека привлекают в свои ряды в первую очередь возможностью выделяться среди "серой овчинки" большого народа. И снова отзвуком из "**Социализма**": религиозные секты привлекали адептов своей философией избранности, кальвинисты и пуритане — избранности к вечному спасению, марксисты — обладанием самой высокой истиной, и даже сегодня эта философия широко распространена в виде забористой рекламы — купив эту вещь, ты будешь не как все. Можно упомянуть и философию богоизбранности еврейского народа — и до времени Боговоплощения она спасала еврейский народ от растворения в среде языков, но не в национальном плане даже, а в религиозном, чтобы не утратить веру в Единого Бога. Чувство богоизбранности заводит большой народ в тупик? — но и в христианстве оно известно, и может оказаться двигателем большого духовного подъема. Когда же чувство избранности преломляется в философию исключительности? Видимо, если при этом не звучит завет Христов: кто хочет быть первым, тот пусть будет всем слуга. Без этого завета, когда под избранием понимается служение, избранность порождает

философию исключительности, а та в свою очередь порождает идеологию раскола.

Если молодой человек успешно реализует свои таланты в высокой науке, то как ему избежать сладкого плена философии исключительности? Видимо, только одним путем — рассматривая свою работу прежде всего как служение ближнему, а если результаты выдающиеся — то и дальнему. И если не увидеть этого пути, то естествена потеря единства со своей семьей, со своим народом. Удивительно, но, обсуждая тему малого народа, мы незаметно вернулись с исходной точке наших рассуждений: движение к научным высотам по Шафаревичу есть модель движения к высотам духовным, и если этот постулат принять в самом широком смысле, то и проблема малого народа может быть решена самым удовлетворительным способом. Воспитание научной элиты, чтобы не утекла эта элита в темные закоулки неприятия духовных традиций народа, для которого эта элита существует, чтобы сохраняли новые образованцы хоть толику уважения к дедовским свычаям и обычаям, — такое воспитание требует сопряженного духовного взращивания. Каким же образом возможно такое устроить? И возможно ли это вообще? Может быть и нет, может быть верен закон возрастания образования в ущерб возрастанию духовности? Глядя на историю западных стран невозможно не заметить как прогресс убивает живую веру, как старые добрые правила жизни утекают в подполье, как уничтожается семья и семейные ценности становятся подлежащими уголовным преследованиям. Может ли это принять гражданин античного мира — и прежде всего в качестве светлого будущего для его народа, наследника античной цивилизации?

Интересное противоречие обнаруживается в наших рассуждениях: с одной стороны, ранее мы критиковали социализм и капитализм за то, что там человека заставляют потерять свою индивидуальность; а выше с явным укором говорится о философии исключительности, и про рекламу — чем же плохо подчеркнуть свою индивидуальность “хоть чем”? В одном из интервью 70-ых годов находим у ИР: “... нашей стране необходим максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних...” Короткая формула, в размышлении над которой находим многое: что всякое внешнее изменение должно происходить как отражение изменения внутреннего, а без этого оно искусственно и нежизнеспособно, как слепое копирование чего-то духовно чуждого; что внедрение извне внешних форм жизни приводит к болезненному расколу внутренней и внешней жизни; наконец, что целью является достижение гармонии между внутренним и внешним, духовным и физическим, — идеальный ответ для гражданина античного мира.

Заметим, что это одна из основных черт работ ИР: в них представлены формулы, математически лаконичные и потому вмещающие в себя очень многое. Для этих формул необходим бывает растолкователь, и таким помощником часто выступает АИ. Общность тем видна в названиях, так что по ним и не отличишь, чья из двух эта конкретная работа: **“Русский вопрос ...”**, **“Русский человек ...”**, **“Русский народ...”**. О Солженицыне в том же интервью ИР говорит: **“... принадлежит тому же духовному течению, так же смотрит на будущее нашей страны...”**

А есть ли у России будущее? Как обычно, лаконичная формула ИР, сводящее вопрос к жертвенности будущих поколений, и — обстоятельное обсуждение АИ, в одной из последних крупных публицистических работ **“Россия в обвале”**. Прежде всего — у какой России? России просто как

государства с таким названием? — да нет, Россию мы пониманием как страну, в которой *"русские стали народом объемлющим, как бы проткнанной ос новой многонационального ковра"* (и добавляет теми же словами, что у ИР: *"на территории проживания великороссов погромов не было"*). Так значит вопрос в том, есть ли будущее у русского народа? — но и тут АИ задается вопросом, а КАКОГО русского народа? Просто физически наследующего имя или за именем должно стоять что-то большее? В чем заключается "рус скость"? — не в следовании ли традициям, памяти, жертвам того народа, имени которого мы наследуем? Не в хранении ли пуще зеницы ока того само го Православия, под *"тяжким ярмом"* которого русский национальный тип выковывался веками?

Есть ли у России будущее? Мне слышится общий ответ двух соработ ников, двух математиков, двух русских мыслителей: "Есть! И вам его стро ить!"

Одновременно не забывая и математику, потому что без чертежа и мо дели вряд ли что толковое построишь...